

Интервью

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-200-210>

ИНТЕРВЬЮ АНДРЕЯ ВАДИМОВИЧА СМИРНОВА ЖУРНАЛУ «КОНЦЕПТ: ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА».

Беседу вела М.А.М. Халиль

Андрей Вадимович Смирнов¹, Мона Абдель Малик Халиль²

¹ Институт Философии РАН, Москва, Россия
islamphil@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-9671-9156>

² Египетский совет по международным делам, Каир, Египет
mona_khalil@mail.ru

Для цитирования: : Интервью Андрея Вадимовича Смирнова журналу «Концепт: философия, религия, культура» / А.В. Смирнов, М.А.М. Халиль // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 1. — С. 200–210. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-200-210>

INTERVIEW WITH ANDREY V. SMIRNOV

Andrey V. Smirnov¹, Mona A. Khalil²

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
islamphil@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-9671-9156>

² Egyptian Council for Foreign Affairs, Cairo, Egypt
mona_khalil@mail.ru

Abstract. This paper is an interview with Andrey V. Smirnov, Director of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. The interview was dedicated to the broad set of issues that can all be characterized as relative to the umbrella topic of cultural patterns, the indispensability of cultural difference between nations and civilizations and the roots of such phenomena. Expressing the idea of specific mindsets and inherent value orientations, Andrey V. Smirnov adheres to the theoretical approach designed to underline these elements. The panhuman (vsechelovecheskoye) serves for these ends as well as the collective cognitive unconscious. The visions of panhuman oppose to the

© Халиль М.А.М., Смирнов А.В., 2021

universalist paradigm (obshechelovecheskoye) and express concern about the drawbacks of cultural unification. Each culture shares one of these two approaches to a certain extent, and the viability of such cultures can be accessed with the view to the interests, goals and projects such cultures or nations nurture. All such phenomena stem from collective cognitive unconscious. Language as its signifier illustrates innate logical structures that also vary: while, for instance, the Arab thought runs on process-based logic that focuses on actions, European one represents substantial logic — that of the existential feeling. In this way all intercultural communication should take others' visions and adopt to them, which is important not only for translators and interpreters, but also in the political sphere. Advocates of globalism and supranationalism are driven by ideas generated in the West and remain ignorant of the practices that are actually relevant in localities other than the USA or Western Europe. Many examples can be found in the societal shifts that Russia faces. The seemingly non-alternative modernisationalist initiatives that fall within the universalist liberal model are inadequate for the thought style and the corresponding institutional, authority and educational system. The most obvious examples of this deal with the digital sphere, but the cyber transformations as such are not imposing the universalist vision. Rather, it is the underlying culturally-rooted effects of the leverage the United States as the IT leader have and make use of. The questions on how these intercultural communications function now, what form should they take and the very transformations that burden self-sufficient cultures should be analyzed by philosophers. The realities of modern civilizations suggest that those who are set aside in the periphery raise voices and realize national subjectivity.

For citation: Smirnov, A. V., Khalil, M. A. (2021) 'Interview with Andrey V. Smirnov to the Journal *Concept: Philosophy, Religion, Culture*', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(1), pp. 200–210. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-200-210>

- Андрей Вадимович, Вы много работаете с разными типами логик, у Вас имеются очень впечатляющие исследования арабской процессуальной логики, европейской субстанциальной логики, которые говорят о том, что разные народы обладают разными типами мышления. Что, по Вашему мнению, в таком случае происходит с бикультурными людьми?

- Думаю, что они переключаются. По собственному опыту могу сказать, что при освоении арабского языка происходила такая ломка языкового механизма родного языка, которая не происходит при освоении английского, например. Потому что это совершенно другой языковой механизм. У нас очень хорошо преподают арабский, я его учил в ИСАА. Но тогда я не понимал многого из того, что понимаю сейчас, тогда я шел на ощупь. И где-то на втором или на третьем курсе, точно не помню, я применил такой ход: запретил себе думать на русском и заставил себя думать на арабском везде и всегда, и во сне, и наяву. Это был очень тяжелый эксперимент. Конечно, он не сразу

удался, но со временем я почувствовал, что что-то происходит с сознанием. Когда я сразу после института работал переводчиком — а я и позже, фактически всю жизнь, занимался переводом, всеми видами: синхронный, последовательный, письменный — то всегда ощущал, когда происходит переключение. Очень интересно наблюдать за собственным сознанием, как это происходит. Ведь хороший перевод происходит без контроля. Если вы контролируете фразу, у вас не будет хорошего перевода. Хороший переводчик никогда не контролирует фразу, он просто говорит на другом языке. Он высказывает то, что услышал, причем не обрабатывая это аналитически. Это должно в какой-то внеязыковой форме находиться у него в голове, чтобы быть высказанным в другой языковой форме. Потому что перевод — это не подстановка слов и не подстановка синтаксических конструкций, особенно в таких двух языках, как арабский и русский, они же совершенно разные — один семитский, другой индоевропейский. И вот это порождение фразы

на другом языке — как раз то, с чем имеет дело переводчик. Что, кстати сказать, в философии совершенно не осмыслено. Потому что большие европейские философы, за очень редким исключением (например, китаист Франсуа Жюльен), которые говорят о языке, как Хайдеггер, имеют дело с родным или в лучшем случае с европейскими языками, у них попросту нет опыта другого языкового механизма. И они не понимают, что это — другой мир и другое мышление, как дальтоник не понимает разницу между зелёным и красным.

- Ваши исследования показывают, что в половине случаев процессуальная логика распознается носителями другого типа логики как правильная, рациональная. То есть оказывается, что она сильна и в ней, возможно, есть что-то очень ценное для человека.

- Да, это очень большой теоретический вопрос. И очень интересный. Главное отличие процессуальной логики от привычной европейцу субстанциальной — в том, что она работает только с единичным, не редуцируя его до общеродового. И тем не менее в процессуальной логике получается и строго мыслить, и строго доказывать! Здесь всё построено на этом: и система категорий, и теоретическое мышление, и науки, и этика, и эстетика, и общественные институты. И индивидуальное, и общественное сознание.

Исламское общество устроено на иных началах, нежели европейское. Многие это чувствуют, не умея выразить теоретически. Даже за маргинальными протестными движениями стоит это ощущение, и это ощущение альтернативы глобальному империализму оказывается притягательным для кого-то в европейских обществах. Бескомпромиссно осуждая такие вещи, как ИГ¹, стоит понимать глубинные причины: эта идеология стала, пусть в чудовищной, извращенной форме, выражением протеста против капитализма и глобализма после падения и дискредитации коммунизма. Тот протест, который раньше уходил в троцкизм, в еврокоммунизм и прочее, сей-

час уходит отчасти сюда, отчасти в антиглобализм. Подлинная, глубинная причина появления таких уродливых явлений, как ИГ — это тоталитарно-бескомпромиссное навязывание всем на свете выдаваемых за «общечеловеческие» западных стандартов общественной жизни, понимания человека, его отношения с другими людьми и с обществом.

- Но, когда совет по культуре даёт разрешение, что это кино можно снимать, а это нельзя. И соответственно часть интересно мыслящих режиссеров уезжает, потому что им не очень комфортно. Это связано с формой мышления или это особенности системы?

- Напрямую, может быть, с логикой мышления это не связано, но в конечном счете вы к этому придете. Необходимо пройти какое-то количество промежуточных шагов. Если у вас есть государство с определенной политической системой, то очевидно, что это государство будет бороться с инакомыслием. Знаем мы и про маккартизм в США, и про то, как Соединенные Штаты обманули весь мир, помахая в ООН пробиркой с белым порошком... Они же обманули мир! Ну и кто за это ответил? США за это ответили? Нет. Почему-то об этом не говорят. А ведь США сбили иранский гражданский самолет и сказали, что не будут извиняться, потому что он подлетел, мол, слишком близко к их военному кораблю. США не собираются приносить извинения за ничем не оправданную, бесчеловечную атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. И так далее, и тому подобное. И где же американские свободомыслящие журналисты, которые бы про всё это ежедневно трубили? Да, там другие методы подавления, но что методы подавления есть — это безусловно.

- Мне кажется, что рядового русского беспокоит больше, когда государство вторгается в очень интимную религиозную сферу...

- Вы здесь говорите о государстве, мысля государство, как мы его привыкли мыслить. Мы его ощущаем как некую машину.

¹ Исламское государство – организация, запрещенная на территории РФ.

А что такое государство в Иране? Конечно, у него есть определенные функции вроде сбора налогов и прочего, но, если понимать государство как построенное на власти факиха (*вилаят-е факих*), то это возвращает нас к классическим исламским моделям. Тогда речь идёт не о том, что вас «подавляет тоталитарное государство», а о том, что вы «встраиваетесь в религиозную политику и выполняете религиозные функции (*вазаиф динийя*)». Это — разные дискурсы, разные системы понятий и разное мировоззрение.

Вот маленький пример. Ибн Халдун в «Мукаддиме»² употребляет слово *давля*, которое в современном арабском служит переводом для термина «государство». А в классических арабских словарях *давля* объясняется как то, что *ятадаваль*, то есть то, что «переходит из рук в руки». Это не государство как машина, а сам факт владения первичной функцией властителя, будь то халиф или султан. Вот что такое *давля* как «государство» в этой системе понятий. А у Ф. Розенталя *давля* переведено как «династия». Такое значение у слова *давля* есть, но лишь в некоторых случаях. Розенталь — великий арабист и востоковед. Но вот эти случаи переноса собственных понятий и категорий на совершенно иначе устроенную жизнь коварны потому, что незаметны для нас: нам кажется, будто иначе и быть не может.

- *То есть понимание невозможно?*

- Если об этом не знать, то тогда сбои в понимании будут происходить постоянно. Но если знать, тогда, наоборот, понимание будет.

- *Если знать и освоить.*

- Конечно, и освоить. Смотрите: в обычной жизни мы привыкли, что понимание даётся с трудом, если вообще даётся. Что такое вечная проблема отцов и детей, как не проблема понимания? Или взаимопонимание и лад в семье? Разве тут не бывает проблем? Тогда почему же мы считаем, что такие мощные смысловые пласты, как

тысячелетние культуры, развивавшиеся самостоятельно и независимо от нашей культуры, мы поймём сходу и безболезненно, ни разу не споткнувшись? Откуда эта уверенность?

- *Насколько, на Ваш взгляд, цифровизация несет в себе опасность перереформирования разных типов логики?*

- Очень может быть, но опосредованно. Не сама по себе цифровизация, а тот факт, что есть безусловные и бесспорные лидеры цифровизации. Это США. Я недавно прочитал, хотя не проверял эти данные: в США в области искусственного интеллекта занято восемьсот пятьдесят тысяч человек, а в России десять тысяч. И как вести кибервойны и прочее при таком соотношении? В Китае, по-моему, около пятидесяти тысяч. Несопоставимые величины. С другой стороны, лингвисты указывают, что программы машинного перевода, которые сейчас становятся всё более популярны, построены на синтаксисе английского языка, который отнюдь не совпадает, например, с русским синтаксисом. Но поскольку он широко используется в социальных сетях, на торговых площадках и т.п., то постепенно синтаксическая матрица русского языка — всесубъектность, о которой мы говорили³, — утрачивается и заменяется я-центрированностью. Посмотрите, это же на глазах происходит. Таким образом, это не прямое следствие непосредственно цифровизации, не чья-то злонамеренность, но следствие того объективного факта, что американцы доминируют в этой сфере. Они первыми сделали это, и с этим ничего не поделаешь: никто не в состоянии предложить столь же эффективный аналог или захватить эту часть рынка; невозможно захватить социальные сети, потому что фейсбук и прочие платформы уже существуют. И все они сделаны на основе английского языка. В этом и кроется очень серьезная опасность. Плюс то безумие, которое происходит непосредственно с самим русским языком. Мне представляется, что данная

² Ибн Халдун (1332-1406) — «арабский гений», выдающийся мыслитель, социолог и экономист.

³ См.: *Смирнов А.В.* Всечеловеческое и общечеловеческое: Европа, Арабский мир, Россия // Концепт: философия, религия, культура. № 4 (12) 2019. С. 7-15. DOI 10.24833/2541-8831-2019-4-12-7-15.

опасность сегодня недооценивается. Социолингвистика хорошо описывает языковое поведение человека, отражающее его предпочтения — как культурные, так и социальные, ту референтную группу, к которой он хочет принадлежать. И если человек наряжается в одежды англицизмов, то его референтная группа — та, что говорит на английском. Сегодня это можно видеть повсеместно — от уборщика, который занимается «клинингом», а не уборкой, до министра, который теперь работает на таком-то «треке», а не на «направлении». И так далее, и тому подобное: примеры можно приводить бесконечно.

- «Дорожная карта» ещё есть...

- «Дорожная карта» появилась, верно... А ведь всё это и есть та мягкая сила, которая нас подчинила. «Мягкая сила» — это ведь не какая-то абстрактная концепция. Мягкая сила — это прежде всего язык и система понятий, это способность формировать повестку дня и навязывать её другой стороне. В этом смысле мы давно проигрываем по всем фронтам, сами того почему-то не замечая и находя усладу в этом проигрыше. Начался этот процесс не сейчас, а ещё до Горбачева, когда оказалось, что повестка дня неизменно задаётся американской стороной. И сегодня также у нас нет собственной повестки дня.

Смотрите: вот нас в очередной раз обвинили в чем-то — и на пресс-конференции на нашем министре лица нет, на него больно смотреть. Он опять оправдывается: ну что вы нас обвиняете, мы же хорошие на самом деле. Однако оборонительная позиция — всегда проигрышная. И мы ничего не можем предложить. Говорим: мы такие же либералы, как и вы, вот, смотрите: у нас и парламент есть. А в ответ: да нет, ребята, вот у вас госкорпорации, а это неправильно. И так далее. Пока мы не предложим свою повестку дня, мы будем всегда проигрывать на этом поле.

- А такое реактивное поведение, не проактивное — может быть частью культуры? Пассивная русская душа...

- Да она не пассивная. Хотя Анна Вежбицкая и много об этом писала, разбирая русский язык. Но она ошибается, принимая способность к многосубъектности за

пассивность. Типичная ошибка европейца. Русский язык не пассивный, это как раз выражение его многосубъектности. Так что нашу активную позицию (вместо оборонительной) можно было быть сформировать так: заявите, что английский язык, в отличие от русского, не способен к многосубъектности, что он эгоистичен и формирует соответствующее мышление и поведение. Ведь именно так себя ведут Соединенные Штаты — в соответствии с логикой английского языка и мышления, его использующего: как абсолютный субъект.

- Более того, нам сегодня предлагают переводить обучение на английский язык.

- А это и к вопросу о цифровизации — мы сейчас затронули аспект, о котором обычно не говорят. Как правило, рассуждают об аспекте, который в действительности не имеет никакого значения — о том, что все сидят в соцсетях. Ну и пусть сидят. Что тут такого? Раньше марки собирали. Или играли в расшибец. Я вот когда выигрывал, то шел и покупал марки для своей коллекции. А сердобольные женщины из типографии давали нам отбракованные свинцовые матрицы, такие штучки, из которых на газовой плите мы выплавляли биты. Это тоже были своего рода соцсети — сообщества по интересам. Просто сейчас соцсети глобальные.

А вот что действительно подорвало интеллектуальный потенциал целого поколения, а может быть, и больше, так это полное разрушение методики школьного образования. Советская система воспитания была направлена на воспитание комплексной личности. У этой системы были свои недостатки, которые стоило исправлять, — а ее просто выкинули, сказав, что теперь мы будем воспитывать «лидера». Что это вообще значит? Какого «лидера»? В чём я должен стать первым и за счёт чего? Это понимают так: «лидер» — тот, кто всех обошёл в «конкуренции». То есть я должен задавить другого. Опять таки — навязывается совершенно другая модель поведения. И яркое воплощение этой сверхэгоистической модели поведения не постеснялось на наших прошлых президентских выборах (а стеснение и совесть и не предполагаются этой моделью) себя выдвинуть в кандидаты!

И второе: внедренный в школы ЕГЭ. Мы же все работаем со студентами. Это умные ребята: я вижу это по тому, как они осваивают арабский, читают арабские тексты. Но они не в состоянии объяснить, что написано в этих текстах! Они читают и переводят без ошибок, но не могут пересказать то, что написано, потому что в школе их не учили обобщать, пересказывать. Нам кажется, что это элементарно — взять и пересказать книгу, а они этого не умеют. Они сами говорят: мы приучены нажимать кнопки, а вот обобщать — нет. Кого из них делают?

- *Запрет фактически на интерпретацию.*

- Запрет просто на то, чтобы думать. Сегодня, готовясь к чтению со студентами текста, я прочитал у Хасана Ханафи то же самое: как только ты начинаешь думать и требуешь обоснованности, режим — он говорит об арабских режимах — тут же тебя маргинализирует, и ты вынужден либо уехать, либо сойти с ума, либо тебя посадят, если ты требуешь обоснований, если у тебя свободный ум. А здесь что? Тебя просто лишают свободного ума. Ведь ЕГЭ отнимает у детей способность мыслить. Они могут только нажимать кнопки, а уже потом подключаются соцсети с этими лайками и прочим. Но соцсети ничего бы с ними не сделали, если бы у них была голова на месте.

Как сказал Кузьминов, «наша задача — воспитать потребителя». Конечно же, никто не верит в теорию заговора (жаль только, что единодушное отрицание теории заговора само смахивает на заговор). Но очевидно, что есть люди, которые из страны хотели бы сделать сырьевую базу для мирового капитала, и тогда, конечно, система образования должна быть приспособлена под это. Тогда понятно, зачем нужна Болонская система — чтобы на уровне магистратуры все, кто может, уехал в центр, чтобы этот пылесос, вытягивающий всё стоящее, исправно работал, а те, кто останутся — зачем им думать-то? Надо обслуживать — и всё. И тогда понятно, почему это всё происходит. Почему руководитель нашего главного банка, который некоторое время назад заявлял, что ни физматшколы,

ни суперкомпьютеры нам не нужны, что они излишни, вдруг становится главным по искусственному интеллекту и получает государственную поддержку. Ну как это может быть? И таких примеров очень много.

- *Вы очень справедливо пишете о том, что сегодняшняя российская интеллигенция не способна переваривать зарубежный опыт для того, чтобы обогащать саму себя. Есть ли, на Ваш взгляд, какие-либо механизмы, которые могут содействовать этому процессу?*

- Есть, но это не механизмы, это вся система воспитания, обучения, вся система идеального климата, который начинается с ясель или даже с того, что будущий ребенок слышит в животе у мамы, с того, во что одеты наши внуки и дети с младенчества... Как говорил декан философского факультета МГУ В.В. Миронов, у нас выросло поколение, которое знает, кто такой Микки Маус, но не знает, кто такая Баба Яга. С этого же всё начинается. Это комплексный процесс. Как бы ни относиться к начинке (сейчас бы сказали «контент») советской системы воспитания, но, если посмотреть на ее механизм, то она была гениально выстроена. Уберите глупости типа «Ленинских комнат», смените начинку, но оставьте саму систему воспитания, не выплескивайте ребенка с этой грязной водой. А наши, как всегда, выплеснули. Сейчас только спохватились — а давайте свои мультфильмы создавать. Ну так сколько времени упущено!

В советское время европейская ориентированность была формой внутреннего протеста нашей интеллигенции. Мы тогда действительно считали, что с Европой-то мы братья. Но почему-то это «братство», прямо по Достоевскому, не проявило себя после 1991 г., и пора бы нам уже о себе подумать, понять, кто мы. Интеллигенции стоит задаться этим вопросом, и государство должно соответствующим образом подыграть.

- *Ваша концепция коллективного когнитивного бессознательного — ведь это, собственно, то наследие, которое пока не утрачено, но стремительно теряется, уходит атмосфера. Можно ли здесь что-то сделать?*

- Если говорить о главной нашей беде, о которой вроде бы говорят, но на самом деле не говорят, то она заключается в том, что государственные люди должны быть государственными людьми, а не теми, кто осваивает бюджет. Это — хроническая болезнь, от которой Россия страдает с имперского периода. Болезнь, приводившая в отчаяние Гоголя. Это главное.

Как это может быть решено? Наверное, есть решения, которые находятся вне моей компетенции. А из того, о чём я могу говорить, главное вот что. Необходимо наконец произнести вслух то, что сегодня уже является фактом: у нас имеет место кризис общественного самосознания, кризис, который выражается в том, что мы не можем сказать, кто мы — именно «мы», во множественном числе, потому что у нас сегодня нет множественного числа, у нас есть много единственных чисел... Что у нас позади? «Царизм — тюрьма народов», или великолепная Российская империя, или «русская цивилизация», или «славянское братство»? Что у нас позади чуть ближе: советская «тюрьма народов», или «тоталитаризм — друг фашизма», или «новая историческая общность»? Ведь никто на эти вопросы не может или не хочет ответить. Это значит, что мы не можем говорить от лица «мы», — а это именно и есть кризис общественного самосознания. Каждый отдельный человек что-то может сказать, но у нас нет «мы».

И главное — мы не знаем, что у нас впереди. Мы не знаем, куда мы идем. У нас никакого видения. У китайцев есть стратегия до 2050 года с подробным финансированием каждого года, и они не случайно говорят, что в 2050 году они будут технологическим и информационным лидером мира. У них есть план на сто лет, но уже с меньшим финансированием. А вообще-то они знают стратегию своей страны и на тысячу лет вперёд. А мы знаем, хотя бы приблизительно, куда идем? Все документы, недавно носившие громкое название стратегий — всё это уже прочно забыто.

Кризис общественного самосознания. А из него вытекает разрушение общественной морали, имморализм совершенно дикий. А на чем, в самом деле, может держаться мораль, если мы не знаем, кто

мы? Хищническим образом, дико вырубаются леса так, что на Дальнем Востоке и в Сибири вырубки угрожают планетарному климату. При этом у нас нет национальной системы учёта, а местные губернаторы сибирские говорят, что виноваты в этом шишкарки — те, которые собирают шишки с кедровых деревьев, они якобы обламывают верхушки, деревья засыхают и потом происходит пожар. Ясно, что за этим стоят денежные интересы. Но подобное возможно как системное, массовое явление только в результате разрушения морали.

Я думаю, что разрушение морали, имморализм — это никакая не «мораль капитализма», как иногда говорят, это мораль гиены, шакала. Такое возможно только в результате отсутствия самосознания. У нас нет целеполагания, мы не понимаем, чего хотим. Возьмем, например, нацпроект «Наука», который предполагает увеличение нашего присутствия в международных базах научных статей. А зачем это? Это что, цель сама по себе? Присутствие в базах данных? А зачем наука нужна в России? Какова её — её, а не чиновников — роль в определении стратегического курса страны? Этого вообще никто не сказал.

Про внешнюю политику мы уже говорили: мы даже и не помышляем о том, чтобы предложить проект, который бы конкурировал с имеющимися. А ведь могли бы! Проект всечеловеческого устройства мира, — вот, давайте, развивайте. Пусть он будет утопичным, нереализуемым сегодня. Но и то, что сегодня называется «Евросоюз», было предложено Кантом два века назад и тоже было совершенной утопией. После этого случились две мировые войны, развязанные Европой, и, казалось бы, проект забыт, невозможен, но нет — вот он, Евросоюз. Мечта должна быть. Утопия должна быть. Но она должна быть нормальной, без всхлипов и криков, без ряженых и юродивых, без показушничества. Она должна быть человеческой.

И, конечно, язык, о котором мы уже говорили.

Это — комплекс аспектов, а центр, куда всё стягивается, это кризис общественного самосознания. Это проявляется и в учебных заведениях, и в организации школьного обра-

зования, и в том, что мы непонятно какого человека воспитываем или вообще перестали воспитывать.

Почему в американской системе, где нет никаких комиссаров и политпросвета, система так действительно воспитывает людей в духе патриотизма? Ты попробуй не будь там патриотом. Флаг, например. Американцы же в это искренне верят, и не потому, что в кармане доллары, а потому, что там есть система воспитания. Она просто не тупая, непрямая, не навязываемая, она изощренная и при этом выросшая не на пустом месте. Для ее создания необходимо, чтобы те, кто принимают решения не только на высшем уровне, но и на среднем – вот это самое главное — имели в голове соответствующую идейную ориентацию. А вот этого у нас как раз и нет.

- Вы утверждаете, что то, что сегодня подаётся как «глобальная культура», на деле является одной из многих единичных культур, которая претендует на универсальность. Но не получится ли, что выдвигаемый Вами проект всечеловеческого — это новая версия всё той же глобальной культуры, только в другой обёртке?

- Не думаю. «Глобальная культура», которую называют также общечеловеческой, обязательно задаёт некую общую содержательную рамку. Почему демонизация и варваризация России столь безболезненно воспринимаются западным сознанием? Да потому, что мы не подходим под эту общую рамку: у нас нет гендерного равноправия, нет ювенальной юстиции, нет гендерного воспитания детей и т.д. Как это, им со школы не говорят, что они могут сменить гендер? Это не годится. Какие-то «мамы» у нас неправильные вместо пронумерованных «родителей». Я уж не говорю о том, что у нас до сих пор безнаказанно дамам пальто подают. Конечно, о чём говорить — варвары, не дотягивающие до передовых общечеловеческих стандартов.

Но обратите внимание: в этих концепциях общечеловеческого «человек» становится всё более абстрактным. И то, что людей лишают уже гендерной определенности — это лишь новый шаг на пути абстрактизации человека. Я всё жду, когда христианский брак, наконец, будет осоз-

нан Европой как атавизм и пережиток. Почему двое-то, пусть они даже гендерно одинаковые? Почему два или две? Почему не три, не десять? Это — явный атавизм христианского брака... Развитие «общечеловеческой» европейской семьи непременно пойдёт по пути освобождения от этого пережитка, и мы увидим браки, не ограниченные по числу вступающих в них.

Таким образом, «общечеловеческое» всегда предполагает определенную содержательную матрицу, в которую вы обязаны попадать, какой бы абстрактной она ни была. В Евросоюзе вам не разрешат выращивать картошку, если вы не удовлетворяете определенным критериям, и скажут: вот вам деньги — и ничего не выращивайте. У вас целая отрасль исчезнет. Точно так же нам сейчас говорят в «глобальной культуре»: ты пиши по-английски, иначе не будешь опубликован, ты говори по-английски, иначе не будешь понят и воспринят. Именно это и происходит в Европе. А что такое потеря языка? Это геноцид. Культурный геноцид. И всё это — следствие того, что у вас есть некая общая матрица, родовая общность, в которую вы должны вписаться.

Но ведь именно в этом и заключается устройство европейского мышления, начиная с греков: мельтешение реального мира, за которым невозможно уследить, мы останавливаем, чтобы найти общий закон, чтобы открыть неизменную общую сущность, добраться до истинного бытия. Но этот ход оказывается и основой тоталитаризма! Тотальный диктат общего.

Я думаю, кстати говоря, что исламский тоталитаризм логически невозможен. Классическая исламская геополитическая доктрина построена на трёх основополагающих категориях. Во-первых, «обитель мира» — *дар ас-салям* (то есть исламский регион), где мир понимается в смысле отсутствия войны. Во-вторых, «обитель войны» — *дар аль-харб*, то есть весь остальной мир, откуда может прийти несчастье и обрушиться войной на исламскую обитель мира. Наконец, *сугур* – букв. «бреши» (отверстия, как поры у клетки), то есть пограничные области между обителью мира и обителью войны.

Идея в том, что мир так устроен: есть ислам, есть не-ислам и есть пограничье. Это — идея *неустранимого различия*, как в известном высказывании *Ихтиляф аль-умма рахма*, что значит: «Различие во мнениях в умме — Божья милость». Не единомыслие, а разноречие! Когда на вопрос, почему такие разные мнения, ответом было: «Это милость Божья». То есть не было идеи тоталитарного единства.

Это, конечно, полностью противоречит стереотипам и нашим, и западным о том, что ислам — это то, где нет места индивидуальному, нет места разнообразию. На самом же деле ровно наоборот: ислам и исламская культура принципиально не приводимы к некоему родовому, сущностному единству: они иначе устроены.

А всечеловеческое тем более предполагает сохранение логики каждой культуры. Другое дело, что здесь есть поле для разговора: как, к примеру, должна строиться всечеловеческая этика? Она же не может быть зафиксирована в каком-то одном кодексе. Но возможно существование некой номинальной фиксации, которая наполняется содержанием в каждой культуре по-своему. Так же, как государство, например, должно управляться, в нем должны осуществляться власть и правопорядок, но они устроены таким-то образом в исламском обществе, иначе — в европейском обществе и как-то ещё — в русском обществе.

А дальше — открытый вопрос: подчинит ли глобализация на марше себе весь мир или не подчинит? Ведь арабский мир сопротивляется, Китай не хочет, Индия не хочет. Мы тоже вроде бы не очень хотим этого: согласно социологическим опросам, не более 10-12% населения у нас поддерживают то, что именуется «либеральные ценности». То есть огромная масса тех, кто поддерживает ценности, которые считаются традиционными. Это выявили социологические опросы, причем ситуация устойчива: кое-что меняется, но ядро ценностей — семья, образование и прочее — остается как в советское время, так и сейчас.

К Вашему вопросу — разрушение той матрицы ещё не произошло, она каким-то образом сохраняется. Видимо, в культуре

есть какие-то механизмы, которые ее сохраняют. Но здесь не должно быть места самогипнозу и самоуспокоению. Вот Советский Союз распался, а почему Россия-то не должна распасться? По той же логике, если есть культурные территориальные образования, то они захотят отделиться. Об этом предупреждали ещё со времен выбора модели построения Советского Союза — и это произошло. Почему здесь-то такое не должно произойти? Если мы будем и дальше идти по этому пути, то очень скоро до этого дойдем, к сожалению. Нам надо одуматься и понять, как собрать Россию. Ведь её невозможно привести к родовому, сущностному единству, к некой фиксированной «идентичности». Как российскую мусульманскую умму, православных, буддистов, иудеев и нерелигиозных — как всех соединить во что-то «общероссийское», как найти какое-то сущностное единство? Никак. Здесь подойдет лишь модель *собрания* всероссийского культурного пространства.

- *На местах прекрасно вместе живут... Причем чем хуже, тем лучше. Дружат бабюшки с мутлами и с буддистами, «только начальству не говорите».*

- Потому что это выработано, понимается. Выработано веками. Меня не так давно спросили, что значит «быть русским». Я никогда над этим не задумывался. А такой вопрос надо задавать. Что значит «быть русским»? И сейчас у меня такой ответ: быть русским — значит, чтобы и дагестанец был, понимаете? Я русский, если есть дагестанец, если есть еврей, если есть татарин, башкир и все мы вместе, — вот тогда я русский.

- *Какова роль философии в этом контексте или не в этом контексте в России сегодня?*

- В этом контексте она как раз необычайно велика. Я об этом писал и говорил: роль философии в том, чтобы тематизировать эти вопросы, прежде всего — ввести в поле общественного обсуждения, сначала между собой, в своей философской среде, а затем и шире. Я понимаю, что у каждого есть свои профессиональные интересы: мне интересно арабские тексты читать, а кому-то интересно Рикёра изучать, кто-то

занимается аналитической философией, и т.д. Но большие мыслители, и западные, и не западные, они всегда, наряду с узкой профессиональной деятельностью — возьмите того же Хомского и задавали вопросы, которые имеют общую значимость. Почему же мы не должны задавать вопрос, который для нас сегодня является главным? Что значит «быть русским»? Не в этническом смысле, а в культурном, то есть жить в России, говорить на русском языке. Что такое русский язык для нас? Академик А.А.Гусейнов на это обращает внимание, говоря, что русский язык, в отличие от многих других, не имеет диалектов. Хотя территория огромная и от Калининграда до Владивостока. Есть местные отдельные словечки, но нельзя сказать, что это диалект.

- В РГГУ изучают, ездят в область. Правда, это приграничная зона с украинским.

- С украинским — может быть. Но в Петербурге, например, нельзя же говорить о петербургском диалекте, хотя там говорят «поробрик», «парадная», «пышки», а в Москве — «бордюр», «подъезд», «пончики». Русский язык — это то, что держит гигантскую по размеру страну. Значение языка — оно осознано или нет? И то, что происходит сегодня с русским языком — мы ведь его утрачиваем, теряем. Если у нас опять язык разделится на язык элит и язык масс, где элита говорит на суржике, напичканном только ей понятными англицизмами и латинизмами, а массы будут говорить на народном русском, то что тогда будет? Мы снова придем к ситуации, которая была до 1917 г., когда в конце концов рвануло, потому что всё настолько разделилось, что уже не могло существовать вместе. Но на это опять никто не обращает внимания!

Лингвисты имеют свое профессиональное отношение к языку как к естественно-му явлению, им интересно под микроскопом рассматривать эти перемены, они не хотят вмешиваться. Но есть же и философское отношение к данному вопросу, есть социолингвистика, а не просто фиксация языковых фактов. Существует благодушное отношение, что, мол, в этом нет ничего страшного. А я считаю, что это очень существенно.

Что такое патриотизм? Почему у нас человек нередко боится заявить, что он патриот? Потому что станет не рукопожатным в определенных кругах наших интеллектуалов. Как, мол, можно говорить, что ты патриот?! Это значит, что ты «с кем-то», что ты утратил независимость. А с кем же тогда надо быть? С НАТО? Со Штатами? С Евросоюзом? Я не понимаю. Кто проводит «правильную» политику? Интересно, что сегодня, в отличие от советского времени, вы не можете, положив руку на сердце, сказать, что правда — у них. Это очень интересный факт. Потому что свершившаяся узурпация Западом права на правду привела к тому, что Запад обесценился как носитель правды. Кто же поверит после стольких обманов? И после стольких несправедливостей? А они себе верят. Они уверены, в том пространстве это проходит. И это ещё больше усугубляет раскол. Так с кем надо быть? Смотрите, что происходит в мире: разъезжание по культурно-цивилизационным ареалам. И ты уже не можешь ответить на вопрос — хорошо ли там? Да, в бытовом смысле там хорошо. И то лишь если ты удачно устроен. А хорошо ли там в моральном смысле? Не уверен. Лицемерие, причём искреннее лицемерие, самообман достигли там такого размаха, который уже с лихвой перекрыл все советские «достижения». Многократно. Поэтому у нас нет другого выхода, кроме как осознать себя — иначе мы пропадем. Вот альтернатива, вот развилка. Либо мы себя осознаем и будем вести себя как «мы», либо в конце концов пропадем.

- Есть альтернативная точка зрения, что не надо «мы». Есть некие сети коммуникативные, которые друг друга понимают вне зависимости от социокультурной принадлежности, и вот давайте делать ставку на них, а остальное — это мишура, которая сойдет, ведь государства они меняются.

- Да-да, лет десять-двадцать назад активно продвигалась идея, что национальный суверенитет — понятие отжившее... Очевидно, что, если вам нужна глобальная деревня с одним правительством, то это же очень экономно. Зачем столько государств в мире? Зачем столько министров? Есть

вот министры на Уолл Стрит — и довольно, они будут всем хорошо руководить из единого центра: ни противоречий, ни торговых войн не будет, и язык будет один для всех, никаких лингвистических барьеров, всем будет очень хорошо. И тогда, конечно, национальный суверенитет мешает, осознание своего «мы» другими культурно-цивилизационными общностями мешает.

Но ведь штука в том, что и в Европе, и в Штатах существует очень чёткое осознание «мы». Если это не так, почему же тогда они себя так старательно отделяют от не-европейцев? Кого-то берут в Европу, а кого-то нет. Турков не берут, пятьдесят лет уже. Хотя те так старались, в НАТО вошли, а их не берут...

- Спасибо огромное!

Информация об авторах

Мона Абдель Малик Халиль — кандидат философских наук, член египетского совета по международным делам, исполнительный директор Российско-египетского делового совета при ТПП РФ (Египет)

Андрей Вадимович Смирнов — доктор философских наук, академик РАН, директор Института Философии РАН, руководитель сектора философии исламского мира Института философии РАН (Россия)

Information about the authors

Mona Abdel Malik Khalil — PhD (Philosophy), Member of the Egyptian Council for Foreign Affairs, Executive director at The Russian – Egyptian Business Council at the Chamber of Trade and Industry of the Russian Federation (Egypt)

Andrey V. Smirnov — Doctor of Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Science; Head of the Department of Philosophy of Islamic World, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)